

лемы и вечны, как вечен сам Рим, получали весьма широкое распространение¹⁶.

Рим — цитадель родовитой сенаторской знати — продолжал оставаться городом традиций. Более того, в IV в. традиционализм римской аристократии даже возрастает. Если во времена поздней республики и ранней империи римская знать стремилась к изучению греческого языка, языка культуры и элитарного меньшинства¹⁷, то в IV в., по странному парадоксу, римская сенаторская аристократия оказывается во главе латинского литературного «возрождения», а также возрождения староримских традиций¹⁸. Роль Рима и его сенаторской знати заметно возрастает, а *praefectus urbis Romae*, который ранее обладал лишь номинальной властью, становится действительно важной политической фигурой¹⁹.

Император, его двор и имперская администрация не могли встретить здесь ни того почтения, которого они добивались, ни тем более поддержки. Рим с его староримской аристократией был в состоянии противостоять новым веяниям и идеям. Вечный город, его прошлое сами требовали к себе почтения²⁰. Здесь императору было весьма сложно осуществлять свою политику²¹, и уже при Диоклетиане, когда он избрал своей резиденцией Никомидию²², родилась идея новой столицы, свободной от давящего воздействия староримских традиций.

Константин, завершивший многие начинания Диоклетиана, претворил в жизнь и идею, родившуюся в начале эпохи домината. Он основал новую столицу на берегу Босфора²³, которой суждена была долгая жизнь. Внешний облик города создавался в подражание Риму, и в этом факте некоторые исследователи видят стремление Константина возвеличить во втором (хри-

Peter H. Die geschichtliche Literatur über die Kaiserzeit bis Theodosios I. Leipzig, 1897. Vol. 2; Alföldy A. A Conflict. . . P. 66.

¹⁶ *Alföldy A. The Conversion. . . P. 92; Chastagnol A. L'évolution de l'ordre sénatorial aux IIIe et IVe siècles de notre ère // RH. 1970. N 496. P. 314; Idem. L'évolution politique. . . P. 226.*

¹⁷ Дело зашло так далеко, что нередко императоры (особенно выходцы из смешанных семей Испании и Южной Галлии) оказывались «Graeculus», например Адриан. А такой римский император, как Марк Аврелий, вместо того, чтобы писать военные записки о дунайских походах, «общается со своей душой» и пишет по-гречески. См.: *Syme R. Union and Division // Acta antiqua. 1976. 24. P. 338.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Alföldy A. The Conversion. . . P. 91; Idem. A Conflict. . . P. 59 ff.*

²¹ *Alföldy A. The Conversion. . . P. 92—93; Idem. On the Foundation. . . P. 14—15.* Автор, правда, останавливается лишь на противоречиях религиозного характера между императором и сенатом.

²² Главными резиденциями Диоклетиана за время его правления были: в 285—296 гг. — Сирмий и Никомидия; в 299—302 гг. — Антиохия; в 302—305 гг. — Никомидия (*Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.); L., 1982. P. 49.*) За все это время Диоклетиан всего лишь дважды и ненадолго посетил Рим: в 285 г., во время летнего пребывания в Италии, и в ноябре—декабре 303 г. (*Ibid. P. 49—56*), причем о визите в Рим в 285 г. сообщает лишь автор XII в. Иоанн Зонара.

И до Диоклетиана римские императоры предпочитали иметь свои резиденции не в Риме, а в других городах империи: Трире, Милане, Сирмии, Фессалонике, Антиохии и др. Но все это были, скорее, штаб-квартиры императоров, важные стратегические пункты. И лишь Никомидия рассматривалась самим Диоклетианом как политический центр империи, как город, который по своему величию не должен уступать Риму. См.: *Alföldy A. The Conversion. . . P. 94—95.*

²³ Константин не сразу остановил свой выбор на Византии. Он колебался между Сердикой, Фессалоникой и даже одно время мечтал, как гласит легенда, восстановить древнюю Троию. См.: *Alföldy A. The Conversion. . . P. 96.* Характерно, однако, что все поиски места для новой столицы велись Константином на Востоке. Византий, вероятно, привлек его больше других мест и потому, что этот маленький городок можно было заново отстроить на собственный лад, и потому, что в нем не было сколько-нибудь серьезной социальной силы, способной помешать Константину в осуществлении его планов, и конечно же по той причине, что Византий обладал исключительно выгодным географическим положением, что прекрасно понимали и древние, которые сравнивали со слепцами тех, кто, не поняв выгоды географического положения поселения на Золотом Роге, основали Халкидон на противоположном берегу Босфора (Геродот. IV.144).